
Семь дней война Гриши

[Драгана МРДЖА \(Сербия\)](#) - 09 мая 2016

Body

От переводчика

Белградка Драгана Мрджа – из поколения тех, чьи родители были детьми во время освобождения Белграда от немецко-фашистских захватчиков. А еще она – внучка югославского партизана, погибшего в борьбе против фашизма. От своих родителей, от дедов это поколение получило в наследство родственную, кровную связь с великими событиями, гордость за людей, боровшихся за Великую Победу, личную причастность к истории, которая запечатлена в сердцах и которую никто не сможет переписать. Как бы политики не поступали с белградской улицей генерала Жданова (в известные времена ее переименовали в Ресавскую).

В 2015 году сербские власти громко заявили о желании вернуть в Белград улицы генерала Жданова и маршала Толбухина. Но до сих пор не сделали этого. Может быть, поможет в этом деле рассказ о генерале, вошедший в десятку лучших произведений на сербском языке «Малого литературного конкурса «Русское слово». Конкурс был организован в прошлом году сербской редакцией международного проекта Российской газеты Russia Beyond The Headlines и Филологическим факультетом Белградского университета и посвящен Году литературы в России.

Семь дней война Гриши

День первый

ноябрь, 1944 год

И был свет.

И прошел свет сквозь него, как резкая, оглушительная боль. Тяжестью лег на плечи.

И только мысль: "Это конец..."

Временами он приходил в себя. Ничего не слышал, а картинка перед глазами была, как в старых немых фильмах. Прерывающаяся. Пунктиром.

Всплеск... летящие груды земли... ноги бегущих людей.

Глаза, лоб, щеки — всё горело огненной болью. Зачерпывал рукой распаханную землю, сыпал ее себе на обожженное лицо.

И холодная грязь забирала в себя его боль.

И покрыл его мрак, как спасение.

Фронт продвинулся дальше.

...Тишина. Ноябрьское небо придавливает к земле. Никого. Ничего вокруг. Ни птицы. Чтобы хотя бы за неё ухватиться мыслью.

И видит себя со стороны. Лежит. Колыхается на волнах огромного черного моря.

Окоченевший от холода. А все равно - чувствует. Чувствует, как земля, эта плотная сремская земля под ним мягко дышит.

— Он жив! Он жив! Дайте носилки!

Открывает глаза. Как под водой, едва слышит голоса. Язык чужой, говорят мало и быстро, однако понятно, что: «жив!»

— Хорошо, что ты его заметила, Анка. Весь землей усыпан, прости Господи, как заживо похороненный! Давай, Анка, подхватывай здесь... осторожно руку, сломана... давай, давай!

Женщины его отнесли на запряженную телегу. Кто-то очищал рукой его лицо от грязи — увидел чьи-то тревожные глаза, и опять все покрыл мрак...

День второй

июнь 1945 года

После все пошло полегче.

В полевом госпитале вытащили осколки, очистили раны и перевязали сломанную руку. Только лицо выглядело ужасно — все обожженное, одна сплошная рана. Анка приходила каждый день его проведать.

Врач сказал: "Это выглядит хуже, чем есть на самом деле. Глаз не задет, отек спадет и кожа заживет. Не будет такой, как прежде, останутся шрамы, но главное - голова на плечах."

"Анке это не мешает, да, Анка?" - добавил он с улыбкой, глядя исподлобья на девушку, которая покраснела и низко склонила голову.

Весна ещё только выводила дни на построение, когда комиссар полка, задержавшегося в селе, расписал их. Из больницы переселился прямо в дом к Анке.

Раны медленно зарастали. Рука все еще была на перевязи.

Видел себя, качающимся на верхушках яблонь, а потом - шедшего в поля, чтобы заглянуть к Анке: работала там с другими женщинами из бригады. По дороге тянулась колонна военных грузовиков. Сошел на обочину.

— Гриша! Григорий Станиславович! Ты ли это?

Весь заледенел.

— Это я, Лёва! — и человек, покрытый пылью, выпрыгнул из грузовика. — Ты жив, дружище, жив! А мы думали — погиб!

Грузовик остановился, подошли и другие солдаты. Лёва возбуждённо рассказывал, как вот тут, сейчас, нашел своего боевого товарища. Как в прошлом октябре они вместе с

ним, с маршалом Ждановым освободили Белград. Как Гриша пропал где-то на Сремском фронте, и как все думали, что он мертв.

— А он жив, жив! Вот, и раны почти зажили, — заглядывал ему в обожженное лицо. — Теперь можешь с нами, место есть! Сначала — в Москву, а потом домой. Домой!

Гриша стоял и молчал.

— Едем, дружище? Давай, забирайся. Заглянем в больницу, скажешь, что уезжаешь.

Солдаты из грузовика провожали взглядом удалявшуюся колонну.

— Нет, я не поеду. Остаюсь тут.

— Как, Гриша? Почему? А Галина, твоя жена? Что мы ей скажем?

— Скажите, что я погиб. Что меня нет.

Лёва, не понимая, смотрел озадаченно.

"Оставь его, Лёва, поехали. Дезертир он!" — сказал один из солдат, и сплюнул сквозь зубы.

Бойцы поднялись, грузовик резко дернул с места, подняв пыль, которая только было улеглась...

День третий

28 июня 1948 года

Время жатвы.

Любил он такие дни. После жары и тяжелого труда люди отдыхали на скамейках у дома. И говорили. Или молчали, как Гриша. Он наслаждался закатным розовым смирением солнца.

Но тот вечер не был мирным. Девчонки и молодые женщины прошли по шору — широкой воеводинской улице, смеясь и шутливо подталкивая друг друга. Как бы умалчивая о чем-то, известном только им. В воздухе чувствовалось таинственное напряжение.

Он вздохнул и вошел в дом.

Анка управлялась на кухне.

— Сейчас будет ужин, потерпи немного.

На столе стоял котел, наполненный зеленью.

— Что это?

— Это... завтра — Видовдан, День святого Вита.

Смотрел на нее с непониманием.

— Праздник, большой праздник.

В ту ночь долго ему рассказывала. О старых обычаях, которые люди не забывают; про Косовский бой, про князя Лазаря и героев. Когда стала цитировать стихи: "Кто не прибыл на Косово, к бою...», у Гриши мороз по коже пробежал.

Заснул поздно. Разбудила его Анка на рассвете – солнце едва всходило.

Во дворе стоял котел с погруженными в него цветами.

— Умойся. И повторяй за мной: Ой, ты Видов, Видовдан, что я видел очами, то я создал руками! Береги, Видо, мои очи, потому что они – мой свет!

И умылся Гриша.

— Анка, ты моя Косовская девушка! – говорил, а мокрые шрамы на его лице освещала его улыбка, что дороже золота.

После обеда по шору, залитому слепящим светом, замелькали вооруженные тени. Заходили в дома, выводили людей, заставляли идти к грузовикам, в центр села.

Пришли и за Гришей.

"За что вы его? Почему? Он ни в чем не виноват! Я пойду с вами, он плохо понимает, он русский!" Солдат грубо оттолкнул.

"Знаем!"

Через семь дней отпустили его.

Анка, с глазами, опухшими от слез, только и обняла его, вошедшего в дом.

Все уже слышали о резолюции Информбюро.

"Что это было, Гриша? Ведь мы не будем, не будем против русских? По радио говорят, Тито сказал «Нет Сталину!». Боже, Боже, что же это такое?» - тихо рассуждала, пока накрывала ему поесть.

Гриша, бледный и не выспавшийся, посмотрел на нее.

"Я знаю, о чем ты думаешь. Россия, буду ли туда возвращаться? Видишь, мы приходим на этот свет, связанные пуповиной с Матерью, с Землей. И она прерывается, чтобы мы жили.

Это вовсе не означает, что и дальше мы не связаны невидимыми нитями, переплетенными в красочной ткани жизни...

А узел, спрашиваешь? Там, где однажды порвано, может ли продолжиться?

Даже свитер не можешь связать, Анка, из одной нити. А жизнь – тем более. И узел тут не для связи, он сам — связь».

Немного помолчал.

"Я свой выбор уже сделал," – сказал. – Однажды я уже умер на этой земле и снова родился на ней. В ней — и моя жизнь, и моя смерть».

"А это "нет ", о котором говоришь... "Нет" сказал товарищ Сталин товарищу Тито!"»

Анка испугано прикрыла его рот рукой.

И стены в те дни имели уши.

День четвертый

пятидесятые

Первой родилась Вера.

Потом – Надежда.

И Люба.

Анка порой расстраивалась, что нет сына. Но Гриша любил своих дочерей.

Он сидел на стуле во дворе, а они бегали по кругу вокруг него. Изображал, что не может схватить их, что они слишком быстры. А когда удавалось, двор оглашался визжанием и криком.

Самолет, самолет! – кричали они.

Меньшая, Люба, в резиновых сапожках, обутых наоборот, левый на правую, ласково просилась на ручки:

— Папа, папа, малётик!

— Давай! — И он поднимал ее высоко над головой. И она с распростертыми руками, с серьезным выражением, летала самолетиком под цветущими ветками яблонь.

Анка стояла у дверей дома, отирала полотенцем мокрые руки, с улыбкой наблюдала за ними.

«Да, знает Гриша – жену можно успокоить или розгами или родами», - говорил сосед, опершись на забор.

"Или забвением," - подумал Гриша.

Позвали его работать в Белград. В хороших механиках тогда очень нуждались. Согласился. Люди на заводе полюбили его. Называли Рус, Гриша-Рус.

Анка закончила медицинскую школу, устроилась на работу и она.

Жизнь шла тихо, девочки росли.

Только иногда, особенно осенью, Анка замечала, как он задумчиво вслушивается в ветер с Востока...

День пятый

19 октября 1964 года

Он стоял перед раскрытым шкафом и рассматривал костюмы. Ни один не казался ему достаточно подходящим. Двадцать лет спустя он снова увидит своего генерала. Но он больше не военный, у него нет формы.

Вспомнил тяжелые бои за освобождение Белграда. И вспомнил, что тогда говорил генерал народу, собравшемуся у тел погибших товарищей из их, советского, танка. И как решительно взял в руки лопату, чтобы зарыть их в землю. Схоронить прямо в центре Белграда. Сопровождали его в тишине офицеры и солдаты. И Гриша.

Это был генерал-майор Красной Армии, командир четвертого механизированного танкового корпуса, Владимир Иванович Жданов.

Его генерал.

"А сражения, они не страшны. Страшны сражения, которые человек ведет со своими тенями», - думал Гриша, пока его рука мягко отряхивала несуществующую пыль с лацкана. Анка медленно открыла дверь:

— Гриша... только что сообщили по телевидению. Упал самолет на Авале, все погибли. И твой... твой генерал тоже погиб.

В доме через улицу кто-то открыл окно. Солнечные лучи преломились в стеклах, упали прямо в комнату.

И прошел свет сквозь него, как резкая оглушительная боль.

День шестой

девяностые годы

Большинство обычных людей не были готовы к наступившим временам.

Земля распалась, как и образовалась: в крови и братоубийственной войне.

"Перестанет существовать все, что мы знали и принимали за свое: и Порядок, и Закон, и Обычай. Все, что мы знали, или думали, что знаем, больше ничего не стоит. Мы ничего не стоим.

Все, что было внутри, сейчас — снаружи. Как в надетой наизнанку рубашке», — думал Гриша.

Анка тяжело болела. В те дни он опять плавал в тумане между жизнью и смертью.

"Возврати меня в Срем. В нашу землю. Там буду лежать, - говорила Анка. Гладила его истонченной рукой по бугристой лицу. Из ее все еще красивых глаз струилось сияние...

День седьмой

среда, 5 мая 2010 года

По улице, спускающейся от Славии к Манежу, медленно ходил пожилой человек. Внимательный наблюдатель за утренней толпой заметил бы, что уже несколько дней в одно и то же время он сходит с трамвая и направляется к парку. И ничего необычного в том не было, за исключением, пожалуй, только одной вещи.

Мужчина всегда садился на одну и ту же скамейку, но не так, как обычно садятся на них, а сбоку - чтобы видеть перекресток напротив парка. В таком положении сидел и внимательно присматривался к противоположной стороне улицы, как будто ожидая чего-то, что должно случиться. А когда стрелки на часах подбирались к двум, поднимался и

уходил.

В тот день, немногим пополудни, на углу остановился небольшой грузовик. Работники вынесли лестницы, прислонили их к стене здания. Работали четко и слаженно, и табличка с названием улицы быстро была заменена.

Человек уже встал со скамейки, и как только они отъехали, перешел улицу.

Стал под табличкой, поднял голову.

На ней было написано: «Улица генерала Жданова».

По щеке, петляя по старому шраму, стекла слеза. Он поднял сжатый кулак ко лбу и поприветствовал по-военному.

Показалось ему, что слышит голос генерала:

— Брось, Григорий, брось!

— Служу трудовому народу! – ответил.

И был май, а как будто бы стоял октябрь. Сквозь густоту листьев дерева пронизывал все более яркий свет.

И прошел этот свет сквозь него как резкая, оглушительная боль.

И он медленно опустился на землю, и покрыл его мрак, как спасение.

"...И он отдыхал на седьмой день от всех дел своих, которые творил и созидал."

Белград, 12.11. 2015

Перевод с сербского – Елены Буевич

От переводчика

Белградка Драгана Мрджа – из поколения тех, чьи родители были детьми во время освобождения Белграда от немецко-фашистских захватчиков. А еще она – внучка югославского партизана, погибшего в борьбе против фашизма. От своих родителей, от дедов это поколение получило в наследство родственную, кровную связь с великими событиями, гордость за людей, боровшихся за Великую Победу, личную причастность к истории, которая запечатлена в сердцах и которую никто не сможет переписать. Как бы политики не поступали с белградской улицей генерала Жданова (в известные времена ее переименовали в Ресавскую).

В 2015 году сербские власти громко заявили о желании вернуть в Белград улицы генерала Жданова и маршала Толбухина. Но до сих пор не сделали этого. Может быть, поможет в этом деле рассказ о генерале, вошедший в десятку лучших произведений на сербском языке «Малого литературного конкурса «Русское слово». Конкурс был организован в прошлом году сербской редакцией международного проекта Российской газеты Russia Beyond The Headlines и Филологическим факультетом Белградского университета и посвящен Году литературы в России.

Елена Буевич (Украина)

День первый

ноябрь, 1944 год

И был свет.

И прошел свет сквозь него, как резкая, оглушительная боль. Тяжестью лег на плечи.

И только мысль: "Это конец..."

Временами он приходил в себя. Ничего не слышал, а картинка перед глазами была, как в старых немых фильмах. Прерывающаяся. Пунктиром.

Всплеск... летящие груды земли... ноги бегущих людей.

Глаза, лоб, щеки — всё горело огненной болью. Зачерпывал рукой распаханную землю, сыпал ее себе на обожженное лицо.

И холодная грязь забирала в себя его боль.

И покрыл его мрак, как спасение.

Фронт продвинулся дальше.

...Тишина. Ноябрьское небо придавливает к земле. Никого. Ничего вокруг. Ни птицы. Чтобы хотя бы за неё ухватиться мыслью.

И видит себя со стороны. Лежит. Колыхается на волнах огромного черного моря.

Окоченевший от холода. А все равно - чувствует. Чувствует, как земля, эта плотная сремская земля под ним мягко дышит.

— Он жив! Он жив! Дайте носилки!

Открывает глаза. Как под водой, едва слышит голоса. Язык чужой, говорят мало и быстро, однако понятно, что: «жив!»

— Хорошо, что ты его заметила, Анка. Весь землей усыпан, прости Господи, как заживо похороненный! Давай, Анка, подхватывай здесь... осторожно руку, сломана... давай, давай!

Женщины его отнесли на запряженную телегу. Кто-то очищал рукой его лицо от грязи — увидел чьи-то тревожные глаза, и опять все покрыл мрак...

День второй

июнь 1945 года

После все пошло полегче.

В полевом госпитале вытащили осколки, очистили раны и перевязали сломанную руку. Только лицо выглядело ужасно — все обожженное, одна сплошная рана. Анка приходила каждый день его проведать.

Врач сказал: "Это выглядит хуже, чем есть на самом деле. Глаз не задет, отек спадет и кожа заживет. Не будет такой, как прежде, останутся шрамы, но главное – голова на плечах."

"Анке это не мешает, да, Анка?" - добавил он с улыбкой, глядя исподлобья на девушку, которая покраснела и низко склонила голову.

Весна ещё только выводила дни на построение, когда комиссар полка, задержавшегося в селе, расписал их. Из больницы переселился прямо в дом к Анке.

Раны медленно зарастали. Рука все еще была на перевязи.

Видел себя, качающимся на верхушках яблонь, а потом – шедшего в поля, чтобы заглянуть к Анке: работала там с другими женщинами из бригады. По дороге тянулась колонна военных грузовиков. Сошел на обочину.

— Гриша! Григорий Станиславович! Ты ли это?

Весь заледенел.

— Это я, Лёва! — и человек, покрытый пылью, выпрыгнул из грузовика. — Ты жив, дружище, жив! А мы думали — погиб!

Грузовик остановился, подошли и другие солдаты. Лёва возбуждённо рассказывал, как вот тут, сейчас, нашел своего боевого товарища. Как в прошлом октябре они вместе с ним, с маршалом Ждановым освободили Белград. Как Гриша пропал где-то на Сремском фронте, и как все думали, что он мертв.

— А он жив, жив! Вот, и раны почти зажили, — заглядывал ему в обожженное лицо. — Теперь можешь с нами, место есть! Сначала – в Москву, а потом домой. Домой!

Гриша стоял и молчал.

— Едем, дружище? Давай, забирайся. Заглянем в больницу, скажешь, что уезжаешь.

Солдаты из грузовика провожали взглядом удалявшуюся колонну.

— Нет, я не поеду. Остаюсь тут.

— Как, Гриша? Почему? А Галина, твоя жена? Что мы ей скажем?

— Скажите, что я погиб. Что меня нет.

Лёва, не понимая, смотрел озадаченно.

"Оставь его, Лёва, поехали. Дезертир он!"- сказал один из солдат, и сплюнул сквозь зубы.

Бойцы поднялись, грузовик резко дернул с места, подняв пыль, которая только было улеглась...

День третий

28 июня 1948 года

Время жатвы.

Любил он такие дни. После жары и тяжелого труда люди отдыхали на скамейках у дома. И говорили. Или молчали, как Гриша. Он наслаждался закатным розовым смирением солнца.

Но тот вечер не был мирным. Девчонки и молодые женщины прошли по шору - широкой воеводинской улице, смеясь и шутливо подталкивая друг друга. Как бы умалчивая о чем-то, известном только им. В воздухе чувствовалось таинственное напряжение.

Он вздохнул и вошел в дом.

Анка управлялась на кухне.

— Сейчас будет ужин, потерпи немного.

На столе стоял котел, заполненный зеленью.

— Что это?

— Это... завтра — Видовдан, День святого Вита.

Смотрел на нее с непониманием.

— Праздник, большой праздник.

В ту ночь долго ему рассказывала. О старых обычаях, которые люди не забывают; про Косовский бой, про князя Лазаря и героев. Когда стала цитировать стихи: "Кто не прибыл на Косово, к бою...», у Гриши мороз по коже пробежал.

Заснул поздно. Разбудила его Анка на рассвете - солнце едва всходило.

Во дворе стоял котел с погруженными в него цветами.

— Умойся. И повторяй за мной: Ой, ты Видов, Видовдан, что я видел очами, то я создал руками! Береги, Видо, мои очи, потому что они – мой свет!

И умылся Гриша.

— Анка, ты моя Косовская девушка! – говорил, а мокрые шрамы на его лице освещала его улыбка, что дороже золота.

После обеда по шору, залитому слепящим светом, замелькали вооруженные тени. Заходили в дома, выводили людей, заставляли идти к грузовикам, в центр села.

Пришли и за Гришей.

"За что вы его? Почему? Он ни в чем не виноват! Я пойду с вами, он плохо понимает, он русский!" Солдат грубо оттолкнул.

"Знаем!"

Через семь дней отпустили его.

Анка, с глазами, опухшими от слез, только и обняла его, вошедшего в дом.

Все уже слышали о резолюции Информбюро.

.

"Что это было, Гриша? Ведь мы не будем, не будем против русских? По радио говорят, Тито сказал «Нет Сталину!». Боже, Боже, что же это такое?» - тихо рассуждала, пока накрывала ему поесть.

Гриша, бледный и не выспавшийся, посмотрел на нее.

"Я знаю, о чем ты думаешь. Россия, буду ли туда возвращаться? Видишь, мы приходим на этот свет, связанные пуповиной с Матерью, с Землей. И она прерывается, чтобы мы жили.

Это вовсе не означает, что и дальше мы не связаны невидимыми нитями, переплетенными в красочной ткани жизни...

А узел, спрашиваешь? Там, где однажды порвано, может ли продолжиться?

Даже свитер не можешь связать, Анка, из одной нити. А жизнь – тем более. И узел тут не для связи, он сам — связь».

Немного помолчал.

"Я свой выбор уже сделал," – сказал. – Однажды я уже умер на этой земле и снова родился на ней. В ней — и моя жизнь, и моя смерть».

"А это "нет", о котором говоришь... "Нет" сказал товарищ Сталин товарищу Тито!»

Анка испугано прикрыла его рот рукой.

И стены в те дни имели уши.

.

День четвертый

пятидесятые

.

Первой родилась Вера.

Потом – Надежда.

И Люба.

Анка порой расстраивалась, что нет сына. Но Гриша любил своих дочерей.

Он сидел на стуле во дворе, а они бегали по кругу вокруг него. Изображал, что не может схватить их, что они слишком быстры. А когда удавалось, двор оглашался визжанием и криком.

Самолет, самолет! – кричали они.

Меньшая, Люба, в резиновых сапожках, обутых наоборот, левый на правую, ласково просилась на ручки:

— Папа, папа, малётик!

— Давай! — И он поднимал ее высоко над головой. И она с распростертыми руками, с серьезным выражением, летала самолетиком под цветущими ветками яблонь.

Анка стояла у дверей дома, отирала полотенцем мокрые руки, с улыбкой наблюдала за ними.

«Да, знает Гриша – жену можно успокоить или розгами или родами», - говорил сосед, опершись на забор.

"Или забвением," - подумал Гриша.

.

Позвали его работать в Белград. В хороших механиках тогда очень нуждались. Согласился. Люди на заводе полюбили его. Называли Рус, Гриша-Рус.

Анка закончила медицинскую школу, устроилась на работу и она.

Жизнь шла тихо, девочки росли.

Только иногда, особенно осенью, Анка замечала, как он задумчиво вслушивается в ветер с Востока...

.

День пятый

19 октября 1964 года

.

Он стоял перед раскрытым шкафом и рассматривал костюмы. Ни один не казался ему достаточно подходящим. Двадцать лет спустя он снова увидит своего генерала. Но он больше не военный, у него нет формы.

Вспомнил тяжелые бои за освобождение Белграда. И вспомнил, что тогда говорил генерал народу, собравшемуся у тел погибших товарищей из их, советского, танка. И как решительно взял в руки лопату, чтобы зарыть их в землю. Схоронить прямо в центре Белграда. Сопровождали его в тишине офицеры и солдаты. И Гриша.

Это был генерал-майор Красной Армии, командир четвертого механизированного танкового корпуса, Владимир Иванович Жданов.

Его генерал.

"А сражения, они не страшны. Страшны сражения, которые человек ведет со своими тенями», - думал Гриша, пока его рука мягко отряхивала несуществующую пыль с лацкана. Анка медленно открыла дверь:

— Гриша... только что сообщили по телевидению. Упал самолет на Авале, все погибли. И твой... твой генерал тоже погиб.

В доме через улицу кто-то открыл окно. Солнечные лучи преломились в стеклах, упали прямо в комнату.

И прошел свет сквозь него, как резкая оглушительная боль.

.

День шестой

девяностые годы

.

Большинство обычных людей не были готовы к наступившим временам.

Земля распалась, как и образовалась: в крови и братоубийственной войне.

"Перестанет существовать все, что мы знали и принимали за свое: и Порядок, и Закон, и Обычай. Все, что мы знали, или думали, что знаем, больше ничего не стоит. Мы ничего не стоим.

Все, что было внутри, сейчас — снаружи. Как в надетой наизнанку рубашке», — думал Гриша.

Анка тяжело болела. В те дни он опять плавал в тумане между жизнью и смертью.

"Возврати меня в Срем. В нашу землю. Там буду лежать, - говорила Анка. Гладила его истонченной рукой по бугристой лицу. Из ее все еще красивых глаз струилось сияние...

.

День седьмой

среда, 5 мая 2010 года

По улице, спускающейся от Славии к Манежу, медленно ходил пожилой человек. Внимательный наблюдатель за утренней толпой заметил бы, что уже несколько дней в одно и то же время он сходит с трамвая и направляется к парку. И ничего необычного в том не было, за исключением, пожалуй, только одной вещи.

Мужчина всегда садился на одну и ту же скамейку, но не так, как обычно садятся на них, а сбоку – чтобы видеть перекресток напротив парка. В таком положении сидел и внимательно присматривался к противоположной стороне улицы, как будто ожидая чего-то, что должно случиться. А когда стрелки на часах подбирались к двум, поднимался и уходил.

В тот день, немногим пополудни, на углу остановился небольшой грузовик. Работники вынесли лестницы, прислонили их к стене здания. Работали четко и слаженно, и табличка с названием улицы быстро была заменена.

Человек уже встал со скамейки, и как только они отъехали, перешел улицу.

Стал под табличкой, поднял голову.

На ней было написано: «Улица генерала Жданова».

По щеке, петляя по старому шраму, стекла слеза. Он поднял сжатый кулак ко лбу и поприветствовал по-военному.

Показалось ему, что слышит голос генерала:

— Брось, Григорий, брось!

— Служу трудовому народу! – ответил.

И был май, а как будто бы стоял октябрь. Сквозь густоту листьев деревья пронизывал все более яркий свет.

И прошел этот свет сквозь него как резкая, оглушительная боль.

И он медленно опустился на землю, и покрыл его мрак, как спасение.

.

"...И он отдыхал на седьмой день от всех дел своих, которые творил и созидал."

.

Белград, 12.11. 2015

[Драгана МРДЖА \(Сербия\)](#) - 09 мая 2016

<http://webkamerton.ru//2016/05/sem-dnej-voina-grishi>